

Вліяніє артилерійскаго огня на психику.

(Военно-психологическій этюдъ).

Жоті, въ настоящіе дни, огонь въ бою считаютъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, рѣшающихъ побѣду (слѣдовательно, ему приписываютъ громадное значеніе въ достиженіи боевого успѣха надъ противникомъ не только въ смыслѣ физическаго воздѣйствія (раненій и смерти), но и психическаго вліянія въ смыслѣ подавленія психики противника), однако, мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что, поражая противника огнемъ и рѣняя его физически, мы пока ничего не знаемъ. *какъ же мы ранимъ противника психически?*

Въ чемъ заключается это раненіе? Какими путями мы воздѣйствуемъ на психику? Есть ли строгая параллель между физическимъ пораженіемъ и психическимъ или же этой строгости нѣтъ? Возможно ли безъ физическаго пораненія—воздѣйствіе психическое? Эти и тому подобные вопросы до настоящаго времени не подвергались не только строгой, но и вообще научной разработкѣ. Говоря иначе, мы не знаемъ психологін огня (артилерійскаго и ружейнаго).

А жаль, очень жаль! Психологія огня могла бы открыть глаза на многія непонятныя доселѣ явленія во время сраженій и дала бы возможность дѣйствовать огнемъ въ сраженіяхъ не въ темную, какъ теперь, а въ открытую съ предварительнымъ расчетомъ причинъ и слѣдствій въ психикѣ сражающихся.

Имѣя цѣлью, хотя бы частью, освѣтить этотъ вопросъ, я взялъ на себя задачу набросать нѣсколько этюдовъ, рисующихъ психическое состояніе бойцовъ подъ артилерійскимъ огнемъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ каждаго этюда подвергнуть содержаніе его психологическому анализу съ указаніемъ устрашающихъ воздѣйствій въ природѣ огня и тѣхъ послѣдствій въ нервно-психической организаціи человека-воина, которыя приводятъ къ тому, что психика или духъ сражающагося поражается раньше, чѣмъ его тѣло.

В. Полянский ¹⁾ говоритъ: «О томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ для успѣха штурма надлежащая подготовка атаки. говорить не приходится.

Артилерійская подготовка атаки, какъ извѣстно, имѣетъ цѣль» не только разрушить бруствера, обрушить блиндажи, уничтожить препятствія, но и *подорвать духъ* обороняющагося; убить его не только физически, чему препятствуютъ закрытія и убѣжища, но и *психически*, чему никакія закрытія, при наличіи извѣстныхъ условій, воспрепятствовать не могутъ.

Для того, чтобы потрясти психику обороняющагося, показать ему свое могущество и превосходство, необходимо, дѣйствуя устрашающими впечатлѣніями артилерійскаго огня, возбудить и укрѣпить въ обороняющихся чувство *страха*.

Въ страхѣ, какъ извѣстно, человекъ признаетъ себя слабѣ противника и стремится въ силу этого уйти отъ устрашающихъ впечатлѣній, видя въ нихъ неминуемую опасность для себя, хотя бы таковой на самомъ дѣлѣ и не существовало».

Какъ этюдъ—«вліянія артилерійскаго огня на психику» обороняющихся, привожу разсказъ («Мечта и дѣйствительность») офицера—участника сраженій, пережившаго эти состоянія, разсказъ помѣщенный въ свое время въ «Восточномъ Обзорніи» ²⁾.

¹⁾ В. Н. Полянский. Психическій элементъ въ области фортификаціи. Диссертационный трудъ 1912 г.

²⁾ «Восточное Обзорніе», № 155, 1905 г.

Мечта и дѣйствительность.

На войну я вызвался самъ. Я былъ воодушевленъ желаніемъ скорѣе попасть въ бой....

По военному училищу и на службѣ въ полку, въ которомъ состоялъ въ чинѣ поручика, считался храбрымъ, и я думалъ о себѣ, что на войнѣ окажусь на высотѣ своего положенія....

Отправляясь на войну, я мечталъ скорѣе попасть въ бой; я думалъ, что буду драться съ непріателемъ, буду колоть, рубить его; если нельзя достать штыкомъ—буду стрѣлять. Мечталъ я, что честно исполню свой долгъ и буду или убитъ... или буду герой.

Совѣты «не спѣшить», просьба родителей «еще пожить съ ними» меня раздражали. Я спѣшилъ ѣхать.... Холодно и даже враждебно попрощался съ родными. А когда отецъ при прощаніи сказалъ: «я надѣюсь, что во всякомъ случаѣ ты исполнишь свой долгъ», я только пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ, такъ какъ въ душѣ моей было ясно и внѣ всякихъ сомнѣній, что я исполню свой долгъ.

На войнѣ я попалъ въ N-й полкъ. Второй день полкъ нашъ стоялъ на позиціи въ соприкосновеніи съ непріателемъ.

Адскимъ огнемъ непріатель обстрѣливалъ сѣдловины вправо и влѣво отъ насъ. Тамъ въ окопахъ стояли наши батареи. Мы съ восхищеніемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣли на нашихъ артиллеристовъ, которые стойко отвѣчали на обстрѣлъ непріателя. Сухіе, рѣзкіе выстрѣлы нашихъ орудій и сильный, мощный вой нашихъ снарядовъ радовали насъ....

Мало-по-малу мы такъ привыкли къ этой стрѣльбѣ, что перестали наблюдать за ходомъ артилерійскаго боя и не замѣтили, какъ наши батареи все слабѣе, все рѣже отвѣчали на выстрѣлы непріателя и, наконецъ, настолько обезсиглѣли, что японцы перестали стрѣлять по нимъ и перенесли огонь на гребень, который былъ занятъ нашимъ полкомъ.

Японцы обстрѣливали нашъ полкъ по какому-то особенному способу, выматывая всѣ нервы. Отъ такого обстрѣла становилось невыносимо. Способъ этотъ, называемый артиллеристами «ритмическимъ», состоялъ въ томъ, что съ поразительной точностью на нашу позицію прилетали одновременно одна шрапнель и одна шимоза; затѣмъ еще одна шимоза и одна шрапнель, затѣмъ еще шимоза—шрапнель и т. д.

Полетъ *шрапнели* слышенъ секунды двѣ-три, но этотъ вой обрывается неожиданнымъ мягкимъ, густымъ выстрѣломъ.

Но за то эти проклятыя *шмозы* приближаются съ какимъ-то стономъ, все повышая и повышая голосъ, и подъ конецъ запоютъ съ такими переливами, что одно мгновеніе кажется, какъ будто вамъ сверлятъ самое темя буравомъ. Кончается эта музыка оглушительнымъ взрывомъ, отъ котораго начинается звенѣть въ ухахъ....

Выносить это—нѣтъ силъ!

Можете себѣ представить эту адскую машину, которая работаетъ съ точностью хронометра, ни на юту не отступая отъ заведеннаго порядка: ни чаще, ни рѣже, никакихъ перерывовъ....

Отъ нашего окна, плохо построеннаго на каменистомъ грунтѣ, скоро ничего не осталось. Люди лежали прямо на голой землѣ, ничѣмъ неприкрытые, уткнувшись головой въ камень, въ кусты, стараясь ничего не видѣть и быть невидимыми. Какъ будто шрапнель или шмоза имѣли глаза!...

Весь собравшись въ комокъ, я сидѣлъ, закрывъ глаза руками, и дѣлалъ невѣроятныя физическія усилія, чтобы собрать отрывки своихъ мыслей; но ничего сдѣлать не могъ.... Сотни, тысячи отрывочныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ образовъ, представленій и цѣлыхъ картинъ изъ прошлаго и будущаго, изъ возможнаго и невозможнаго, откуда-то со стороны, помимо моей воли лѣзли ко мнѣ въ голову.... Все это кружилось, скакало, кричало по всѣмъ направленіямъ!... Я ничего не могъ сдѣлать....

Я изнемогалъ въ непосильной борьбѣ съ какой-то посторонней силой, завладѣвшей моими мыслями и распоряжающейся мною. Я усталъ: я чувствовалъ физическую боль въ мозгу и, схвативши голову обѣими руками, изо всѣхъ силъ давилъ виски, давилъ лобъ, стараясь выдавить вонъ изъ головы чужія, постороннія, откуда-то со стороны врывавшіяся и также исчезающія картины.

Но сдѣлать я ничего не могъ.... Когда слышались полеты снарядовъ, всего самого невольно сжимало; когда рвались снаряды, въ ухахъ наступалъ рѣзкій звонъ, а въ головѣ чувствовалась тяжесть, тупая и сильная боль....

Командиръ роты въ началѣ обстрѣла, по обыкновенію своему, улыбался; но очень скоро улыбка сошла съ его лица; онъ сталъ покрикивать на солдатъ, которые, ползая на животѣ, расползались въ разныя стороны, тщетно ища закрытій. Меня тоже потянуло ползти куда-нибудь.

Непріятельская батарея со спокойствіемъ и увѣренностью сытаго и сильнаго животнаго забрасывала насъ снарядами....

Я, оглушенный и подавленный этимъ свистомъ, ревомъ и трескомъ, весь съеживался, становясь, вѣроятно, меньше нашего ротнаго командира, котораго за малый ростъ прозвали «карлушей», и меня неудержимо тянуло внизъ—на землю... Мнѣ казалось, что тамъ меня не такъ хорошо видно и что поэтому безопасно. Ужасъ и чувство, на подобіе тоски, наполнили скоро все мое существо. Что это за чувство—сказать трудно. Но и теперь, когда я вспоминаю этотъ день, когда я слышу какой-нибудь звукъ, напоминающій свистъ и взрывъ снаряда, сердце мое начинаетъ болѣзненно сжиматься и тоска, я не знаю какъ сказать иначе, именно тоска, мучительная, подавляющая, расплзается и охватываетъ всего меня.

Отправляясь на войну, я, конечно, мечталъ попасть въ бой; но я вѣдь думалъ, что буду драться съ людьми. Вѣдь я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ—будемъ стрѣлять.... Но никому въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть.

Попробуйте и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!

Я не смотрѣлъ на свою роту, но зналъ, что есть уже и раненые и убитые. Каждый разъ, когда кусокъ желѣза, свинца или мѣди билъ по человѣческому тѣлу, мнѣ казалось, что я слышалъ этотъ ударъ...; можетъ быть этого и не было, даже навѣрно не было, но когда кто-нибудь вскрикивалъ отъ боли—и я чувствовалъ боль, какъ будто ударило меня. Я узнавалъ, что это ударило такого-то... и ударило по головѣ, объ этомъ кричалъ чей-то одинокій, хриплый голосъ. Сообщавшій эту новость вскрикивалъ бѣгло и дико, какъ бы исполняя формальность и не надѣясь вовсе на то, что его услышатъ, какъ будто онъ кричалъ въ пространство или въ пустынь, гдѣ нѣтъ людей...

Это длилось уже часъ, уже гораздо болѣе часа...

Становилось невыносимо!... То одинъ, то другой солдатъ поднималъ голову и, дико озираясь, вскрикивалъ: «командиръ здѣсь?»

У меня тоже мелькала мысль, зачѣмъ же я здѣсь сижу; можетъ быть, его уже нѣтъ, и я оглядывался...

Командиръ кричалъ солдатамъ: «я здѣсь, братцы, здѣсь! Лежите спокойно!»

Не знаю, чѣмъ бы это кончилось для меня. Я уже чувствовалъ спазмы въ горлѣ; чувствовалъ, что вотъ-вотъ я рыдаю...

Въ этотъ моментъ, когда напряженіе, казалось, достигло высшей степени, раздался голосъ: «пѣхота, пѣхота идетъ!»

Въ тысячѣ, или около того, шагахъ отъ нашихъ окоповъ начались гаоляновыя поля и тянулись отсюда верстѣ на 12—15 къ югу. Это было цѣлое море, которое слегка колыхалось, шумѣло и скрывало въ своей глубинѣ тысячи, десятки тысячъ таинственныхъ, невѣдомыхъ враговъ.

Тысячи глазъ напрасно съ утра до вечера, напрягая всю силу зрѣнія, старались уловить хоть какое-нибудь предательское движеніе на этой зеленой поверхности.

Изъ этого-то гаоляноваго моря, которое равнодушно и увѣренно улыбалось, блестя на солнцѣ миллионами ярко-зеленыхъ листьевъ, выскакивали маленькіе, игрушечные солдатики и быстро, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и держа ружья на перевѣсь, легкимъ гимнастическимъ шагомъ, обгоняя другъ друга, стали подниматься по некрутому каменистому скату горы къ намъ...

Предстояла схватка не на животъ, а на смерть... «Ура» загремѣло на нашей позиціи. Кто-то истерически закричалъ: «въштыки!» И люди, не ожидая команды, вскочили, готовые бѣжать навстрѣчу этимъ маленькимъ желтенькимъ солдатамъ съ такимъ видомъ, какъ будто каждому предстояла встрѣча не съ врагомъ, а съ давно жданнымъ и желаннымъ другомъ.

«Назадъ! ложись! кто приказалъ!» кричалъ командиръ, бѣгая по позиціи и размахивая шанкой.

Люди сначала ложились медленно и неохотно, а потомъ вдругъ сразу попадали на землю, видя, что непріятельская цѣпь въ это время тоже залегла.

Несмотря на близкую дистанцію, желтыя фигурки были трудно уловимы среди камней и кустовъ... Японцы открыли бѣглый огонь... И рѣзкіе, короткіе, двойные удары ихъ винтовокъ слышались въ общую трескотню...

Непріятельская артилерія, смолкнувшая было на минуту, напрягла, видимо, всѣ свои силы и послала на нашу позицію перегонку, въ безпорядкѣ, десятка два-три шрапнелей, которыя рвались спереди, сзади, сбоку... Но это теперь насъ не пугало...

Мы затаились; изо всѣхъ силъ прижимались къ землѣ, какъ бы стараясь вдавиться въ нее, а сами хитро искали глазами маленькихъ солдатиковъ...

Борьба съ самимъ собой кончилась!

Теперь будемъ драться...

Подвергнемъ приведенный этюдъ психологическому анализу.

Герой разсказа одинъ изъ лучшихъ офицеровъ. «По военному училищу и на службѣ въ полку считался храбрымъ». Бѣжалъ на войну «по собственному желанію»: мечталъ скорѣе попасть въ бой; а на завѣтъ отца—«я надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ исполнишь свой долгъ», даже внутренно оскорбился, ибо «въ душѣ его было ясно и внѣ всякихъ сомнѣній, что онъ исполнитъ свой долгъ».

И что же мы видимъ? Этотъ лучший офицеръ, мечтавшій о геройскихъ подвигахъ, попавъ подъ артилерійскій огонь въ подготовкѣ атаки, испытываетъ такія *неожиданныя* душевныя переживанія, что «выносить это нѣтъ силъ». «*Весь собравшись въ комокъ, сидѣлъ, закрывъ глаза руками, и дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы собрать отрывки мыслей...*» Я оглушенный... *весь съезживался...* и меня *неудержимо тянуло внизъ*—на землю. *Ужасъ и чувство, на подобіе тоски,* наполнили все мое существо». Такъ описываетъ онъ свое душевное состояніе, которое психологически отвѣчаетъ тому, что онъ былъ весь въ *чувствѣ страха*.

Что чувство *страха* крайне нежелательно съ военной точки зрѣнія—не можетъ быть никакого сомнѣнія: Лицо, охваченное страхомъ, психически или душевно, уже побѣждено. Находящійся въ страхѣ мысленно уже призналъ превосходство надъ собой противника, а въ поведеніи обнаруживаетъ дѣйствія и поступки «съезживаться, чтобы не замѣтили», «нагнуться ближе къ землѣ», «скрыться»; осматривается по сторонамъ, чтобы найти удобное мѣсто для избѣжанія опасности. А мысли—«и зачѣмъ здѣсь; не лучше ли отступить? вѣдь здѣсь такъ невыносимо» и т. п.

Все это черты чувства страха.

Итакъ, нашъ герой подъ вліяніемъ устрашающихъ воздѣйствій артилерійскаго огня—впалъ и «больше часа», по его признанію, находился въ чувствѣ страха.

Увѣрены ли, однако, мы, что чувство страха, охватившее нашего героя подъ артилерійскимъ огнемъ, съ прекращеніемъ его также прекратилось и прошло для него совершенно безслѣдно? Нѣтъ, не прошло.

«Когда я потомъ вспоминаю этотъ свистъ, когда я слышу какой-нибудь звукъ, напоминающій свистъ и взрывъ снаряда, сердце мое начинаетъ болѣзненно сжиматься и тоска, я не знаю какъ сказать иначе, именно тоска, мучительная, подавляющая, расплзается и охватываетъ всего меня».

Говоря языкомъ психологій—п потомъ, послѣ войны, при

всякомъ звукѣ, напоминающемъ свистъ и взрывъ снаряда, герой разсказа впадалъ въ чувство страха.

Страхъ—чувство нежелательное для боевой дѣйствительности—у нашего героя *стало чувствомъ привычнымъ*, рефлексомъ на всякое раздраженіе, напоминающее свистъ и взрывъ снаряда, хотя бы оно было и внѣ боевой обстановки.

Кромѣ указаннаго приходится признать, что послѣ артиллерійскаго обстрѣливанія, помимо привитія страха, наступающаго уже рефлективно отъ обманныхъ (а не дѣйствительно опасныхъ) раздраженій, *психика или духъ* даннаго бойца былъ подавленъ въ основѣ, *въ корни, неожиданностью* тѣхъ явленій, которыя онъ встрѣтилъ на войнѣ.

«Отправляясь на войну, я, конечно, мечталъ попасть въ бой», говоритъ онъ; «но я вѣдь думалъ, что буду драться съ людьми. Вѣдь я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить; если нельзя дѣйствовать штыкомъ, будемъ стрѣлять. Но *никому намъ въ голову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной*, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть. Попробуйте и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!»

Какое грустное впечатлѣніе производитъ это признаніе. Хорошій офицеръ мирнаго времени въ данныхъ боевыхъ условіяхъ признаетъ себя совершенно побѣжденнымъ, лишеннымъ даже усилій бороться. Какимъ глубокимъ *пораженіемъ духа* вѣтъ отъ признанія: «попробуйте и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!»

И въ этомъ горестномъ признаніи *несоответствія мечты* лучшаго офицера мирнаго времени *съ боевой дѣйствительностью* мы видимъ указаніе на печальные плоды неправильнаго военнаго воспитанія, даннаго офицеру въ мирное время.

Чтобы не быть голословнымъ въ признаніи печальныхъ плодовъ неправильнаго военнаго воспитанія, даннаго офицеру въ мирное время, останавлиюсь вкратцѣ на характеръ современнаго воспитанія, ссылаясь на свидѣтельство текущей литературы по этому вопросу.

«Въ отдаленныя времена, когда не было желѣзныхъ дорогъ и сближеніе враждующихъ армій послѣ объявленія войны происходило съ быстротою черепахи, пишетъ авторъ статьи ³⁾ «Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ», военачальникъ обыкновенно находилъ время, чтобы не только доучить, но переучить и перевоспитать свою часть до вступленія на поле сраженія и такимъ

³⁾ М. Эвальдъ. «Военный Сборникъ» 1911 г., № 1.

образомъ настроить инструментъ своего творчества на чисто боевой ладъ, и даже спеціально по своей рукѣ».

«Въ настоящее время такіе эксперименты въ послѣднія минуты едва ли возможны. Слишкомъ ужъ эти минуты коротки. На оттягиваніе рѣшительныхъ столкновеній послѣ объявленія войны и быстрого сосредоточенія войскъ на мѣста дѣйствій не хватитъ ни матеріальныхъ средствъ, ни терпѣнія самой страны. Волей-неволей приходится идти въ бой съ войсками, получившими только подготовку мирнаго времени».

«Ясно, что значеніе этой мирной подготовки въ отношеніи къ боевымъ интересамъ возрасло».

Но... что именно предпринимается, чтобы скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ образомъ подготовить армію къ предстоящей ей тяжелой дѣятельности въ *психологическомъ*, если угодно, въ моральномъ отношеніи? Чѣмъ, помимо физической тренировки и выучки всѣмъ техническимъ тонкостямъ боевого ремесла, обезпечивается, чтобы *воображеніе, нервы и сердце бойцовъ за родину оказались въ состояніи выдержать вышестельныхъ впечатлѣнія жестокой обстановки современнаго боя?*

Разбирая воспитательныя системы, М. Эвальдъ приходитъ къ выводу, что при воспитаніи какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ руководятся двумя доктринами, взаимно противорѣчащими другъ другу и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то уживающимися другъ съ другомъ.

Первая доктрина можетъ быть названа *романтической*, вторая *реалистической*. Ихъ образы таковы:

Романтическая доктрина. Если хотите имѣть армію, морально готовую къ побѣдамъ, то въ такомъ случаѣ—и прежде всего—заботьтесь, во-первыхъ, о суровой дисциплинѣ (субординаціи), а во-вторыхъ, о томъ, чтобы каждый воинъ, до послѣдняго, гордо поднималъ голову и заразился нѣкоторой дозой самоувѣренности... Почаще выражайте увѣренность, что въ лицѣ вашихъ слушателей вы ожидаете увидѣть въ будущемъ и героевъ, и постарайтесь довести ихъ до того, чтобы каждый сказалъ въ сердцѣ своемъ: «да, я буду героемъ, ибо я этого хочу».

...Научите, конечно, армію всему, что нужно для побѣды въ техническомъ отношеніи, но, ради Бога, остерегайтесь преждевременно развращать ея воображеніе (въ бесѣдахъ, уставахъ и тѣмъ болѣе въ постановкѣ ученій и маневровъ) постыдными и тягостными картинами боевой дѣйствительности. Къ чему эти постоянныя раз-

сужденія объ ужасахъ и «невозможностяхъ» современнаго боя, преждевременно возбуждающихъ трусость и малодушіе?..

Вторая доктрина *реалистическая*, помимо необходимой технической подготовки, считаетъ также необходимой подготовку *психологическую*. Для психологической подготовки будущихъ бойцовъ къ боевой обстановкѣ она считаетъ нужнымъ «честно, откровенно, правдиво и дѣловито познакомить воиновъ съ ихъ будущей дѣятельностью и ея обстановкой». Они должны отчетливо сознавать, что война—не торжественная прогулка и даже не рядъ возвышающихъ душу боевъ, а сплошная мука бивачной, походной, сторожевой и боевой службъ съ ихъ тягостями, лишеніями, болѣзнями потерями... и кажущейся безцѣльностью и непонятностью. Что современные войны выигрываются не лихими, самоувѣренными наскоками съ музыкой и распущенными знаменами, какъ пишутъ на картинкахъ, а настойчивымъ изморомъ врага... нерѣдко подвергаясь крайнему истощенію, частымъ неудачамъ и даже пораженіямъ, захлебываясь порою въ крови...

«Что касается «воинственнаго» духа, то онъ состоитъ... въ сосредоточенной, серьезной рѣшимости, готовности на все»...

Хотя все сказанное относится къ воспитанію нижнихъ чиновъ, но не будетъ натяжкой, если мы примемъ, что тоже самое относится и къ воспитанію офицерскаго состава.

Въ какой доктринѣ былъ воспитанъ герой нашего разсказа—мы не знаемъ. Но, обращаясь къ содержанію приведеннаго этюда, можемъ догадываться.

«На войну я вызвался самъ. Я былъ воодушевленъ желаніемъ скорѣе попасть въ бой»... На совѣтъ отца «исполнить свой долгъ», я только пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ, такъ какъ въ душѣ моей было ясно и внѣ всякихъ сомнѣній, что я исполню свой долгъ». «Мечталъ я, что честно исполню свой долгъ и буду или убить... или буду герой».

Отсюда можно понять, что герой разсказа «желалъ войны», желалъ «быть героемъ» и зараженъ былъ «дозой самоувѣренности». «Желалъ быть героемъ и даже думалъ... о смерти». «Отправляясь на войну я, конечно, мечталъ (воображалъ) попасть въ бой, но вѣдь я думалъ, что буду драться съ людьми. Вѣдь я, да и всѣ мы, офицеры, воображали, что будемъ колоть, рубить, если нельзя дѣйствовать штыкомъ—будемъ стрѣлять... Но никому *намъ* въ го-

лову не приходило, что намъ придется бороться съ мертвой машиной, которую нельзя ни достать, ни даже увидѣть»...

Чено, что герой разсказа былъ воспитанъ по всѣмъ правиламъ романтической доктрины. Онъ не слыхалъ «разсужденій объ ужасахъ и «невозможностяхъ» современного боя, преждевременно возбуждающихъ трусость и малодушіе»...

И что же? Попавъ первый разъ подъ артилерійскій огонь, онъ испытываетъ такія душевныя переживанія, о которыхъ «онъ, да и другіе офицеры не думали, не воображали», однимъ словомъ, мысленно—психологически себя не подготавливали. И хотя по романтической доктринѣ «его воображеніе не было преждевременно развращено постыдными и тягостными картинками боевой дѣйствительности», но, попавъ въ приведенныя условія, подъ артилерійскій огонь, онъ испытываетъ такіе ужасы и переживаетъ такой страхъ, охватывающій все его существо отъ всего неожиданнаго и превосходящаго, по его признанію, силы человѣка, что онъ теряетъ способность управлять своими мыслями, сдерживать свои душевныя переживанія, теряется въ непредвидѣнной обстановкѣ, признаетъ себя неспособнымъ «бороться съ мертвой машиной» и считаетъ, что борьба съ ней не только ему, но и другимъ не подъ силу.

Говоря воинскимъ языкомъ, герой разсказа потерялъ «воинственный духъ»: онъ потерялъ сосредоточенную, серьезную рѣшимость и готовность на все...

Мертвая машина возбуждала у него ужасъ. Ему казалось, что переносить такой обстрѣлъ не только ему, но и никому невозможно.

Съ внутреннимъ самоудовлетвореніемъ и оправданіемъ своихъ недостатковъ говорить онъ: «попробуйте... и будьте при такихъ условіяхъ храбрыми!»...

И бы сказалъ про психику героя разсказа, что онъ, хотя и былъ не раненъ физически, но психически былъ подавленъ, и его воинственный духъ—рѣшимость на все... лишь бы достичь побѣды—былъ убитъ. И убитъ былъ его духъ той неожиданностью боевыхъ явленій, о которыхъ при воспитаніи ему не говорили и къ нимъ не подготавливали, изъ боязни «преждевременнаго развращенія».

Видимо, одного «желанія», «пыла», «дозы самоувѣренности», «желанія быть героемъ» и даже... «умереть»... въ настоящее время мало.

Подобной психологической подготовки недостаточно, «чтобы воображеніе, нервы и сердце бойцовъ за родину оказались въ со-

стояннїи выдержать внушительныя впечатлѣнїя жестокой обстановки современнаго боя».

Страхъ, наполнившій душу героя разочарованїемъ и убившій въ немъ воинственный духъ—готовность на все, былъ *печальнымъ плодомъ* неправильнаго *психологическаго* или, иначе называемаго, моральнаго воспитанїя, даннаго ему (по романтической доктринѣ) въ мирное время.

Какъ чувствовали себя и что переживали другіе, находившіеся подъ огнемъ вмѣстѣ съ героемъ разказа?

Подробныхъ указаній о психическихъ переживанїяхъ другихъ лицъ, находившихся подъ огнемъ, мы не имѣемъ. Но нѣкоторые намеки есть. Такъ, на примѣръ: «Командиръ сталъ покрикивать на солдатъ, которые, ползая на животѣ, расползались въ разныя стороны, тщетно лица закрытїи»... «Люди лежали прямо на голой землѣ, ничѣмъ неприкрытые, уткнувшись головой въ камень, въ кустики, стараясь ничего не видѣть и быть невидимыми»... Голосъ людей, «сообщавшій о раненїи людей», былъ «*дикій*»; выкрикивали эту новость «*было*», «какъ будто кричали въ пространство или въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ людей». Иногда, поднимая голову и «*дикое озираясь*, вскрикивалъ»...

Подобныя указанія рисуютъ намъ, что подобно герою разказа и люди находились въ чувствѣ страха, ибо ползаніе на животѣ въ поискахъ прикрытїи, стремленіе уткнуться голову въ кусты или подъ камень при лежанїи на голой землѣ, на подобїе страуса, прячущаго въ страхѣ одну голову, «*дикій*» голосъ, *дикое* озираніе по сторонамъ и др. указываютъ на это состоянїе.

Итакъ, подъ огнемъ—страхъ у героя разказа, страхъ у людей: слѣдовательно—общій у *всѣхъ* страхъ, то, что называютъ *паникой*.

Мы обычно привыкли со словомъ *паника* (общій, захватывающій если не всѣхъ, то многихъ участниковъ, страхъ) соединять понятїе, что въ паникѣ люди бѣгутъ назадъ и чаще всего, когда говорятъ—была паника, то значить—люди въ страхѣ бѣжали.

А здѣсь, люди по нашему описанію были въ страхѣ—въ паникѣ, а между тѣмъ они не бѣжали а оставались на мѣстѣ, и по поверхностному—не психологическому наблюденію, пожалуй, покажется, что они геройски переносили артиллерійскій огонь.

Типичной чертой состоянїя въ паникѣ считаютъ «*заразительность*»: куда одинъ, туда и другой, за однимъ—все стадо.

Просматривая разказъ, мы видимъ эти *черты заразительности*.

Герой розказа описує, що, «когда люди, ползая на животъ, расползались въ разные стороны», то... *и меня также потянуло* ползти куда-нибудь»... «*То одинъ, то другой* солдатъ поднималъ голову и, *дико озираясь, выкрикивалъ*: «командиръ здѣсь?» У меня *тоже мелькала мысль, зачѣмъ я здѣсь сижу*; можетъ быть его уже нѣтъ, и я оглядывался»... (мысль объ отступленіи). Мы видимъ здѣсь и *черты заразительности и мысли объ отступленіи*.

Но, спрашивается, почему же не отступили? Причину—почему не отступили—я вижу въ командирѣ.

Хотя всѣ люди были въ паникѣ со всѣми чертами, свойственными этому состоянію, командиръ роты—посмѣшище въ мирное время, «карлуша»—не былъ подвергнутъ состоянію того страха, въ которомъ находились люди.

Когда «то одинъ, то другой солдатъ поднималъ голову и, дико озираясь, выкрикивалъ: «командиръ здѣсь?» командиръ кричалъ солдатамъ: «я здѣсь, братья, здѣсь! Лежите спокойно!»

При наличіи «заразительности» въ паникѣ, *примѣръ* командира, остающагося подъ огнемъ, и *его утѣшенія* — «лежите спокойно!» дѣйствовали на другихъ («заражали») и парализовали появляющуюся мысль объ отступленіи.

Не будь его, люди не выдержали бы того времени, которое они находились подъ огнемъ, и *паника разрылась бы* обычнымъ способомъ—*отступленіемъ*.

Благодаря примѣру и словесному воздѣйствію утѣшенія, съ трудомъ, но все же люди выдержали все время обстрѣла и дождались наступленія противника.

Теперь—какъ они дѣйствовали? Прошла ли паника при видѣ неприятели или же она продолжалась?

Посмотримъ. «Изъ гаоляноваго моря», передаетъ розказъ, «выскакивали маленькіе, игрушечные солдатки... и, держа ружья на перевѣсь, легкимъ гимнастическимъ шагомъ, обгоняя другъ друга, стали подниматься по некрутому каменистому скату къ намъ...

«Ура» загремѣло на нашей позиціи. Кто-то истерически закричалъ «въ штыки!» И люди, не ожидая команды, вскочили, готовые бѣжать навстрѣчу этимъ маленькимъ желтенькимъ солдатамъ»...

Несвоевременное «ура», истерическій крикъ: «въ штыки!» И сразу же, *не ожидая команды, бѣство впередъ* (все равно, какъ и назадъ); черты поведенія людей, находящихся въ паникѣ.

Для подавленія паническаго состоянія и подчиненія этого стада должной дисциплинѣ командиру пришлось, бѣгая по позиціи и размахивая пашкой, кричать: «назадъ! ложись! кто приказалъ!»

Люди сначала *ложались медленно и неохотно* (ослабленіе вліянія команды), а потомъ *сразу попадали на землю, видя, что непріятельская цѣпь въ это время тоже заняла* (паническое свойство—*заразительности*, но уже не поведеніемъ командира, а поведеніемъ непріятели).

«И въ это время артилерія, смолкнувшая было на минуту, вновь вперегонку послала на нашу позицію десятка два шрапнелей.... Но, это теперь насъ не испугало»... говоритъ герой разсказа.

Но, описывая поведеніе себя и другихъ словами: «мы затаились; *изъ встѣгъ силъ прижались къ землѣ, какъ бы стараясь одвинувшись въ нее...*», онъ собственно описываетъ черты людей, находящихся въ *страгѣ* и стремящихся спрятаться какъ бы въ землю.

Такъ что и при соприкосновеніи съ непріателемъ, несмотря на утвержденіе, что «это теперь насъ *не испугало*», приходится не вѣрить герою разсказа и признавать, что и въ это время люди находились въ страхѣ—*въ паникѣ*.

Итакъ, говоря о *суммарномъ вліяніи* устрашающихъ впечатлѣній подъ артилерійскимъ огнемъ, мы должны признать, что *артилерійскій огонь*, приведеннаго въ разсказѣ характера, вызываетъ въ людяхъ психологическую неподготовленность, *чувство страха* (панику); а вызывая это чувство, сообщаетъ *поведенію и дѣятельности лицъ, находящихся подъ огнемъ, черты, свойственныя состоянію въ паникѣ*.

Д-ръ *Ф. Шумковъ*.

